

«Единое на потребу». О государственной власти

«Итак, смотри, свет, который есть в тебе, не есть ли тьма».

Мф. VI, 23.

«Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы я исцелил их».

Иоан. XII, 40.

«Однако ж знайте, что приблизилось к вам царствие Божие».

Лука X, 2.

I

Уже второй год продолжается на Дальнем Востоке война; На войне этой погибло уже несколько сот тысяч человек. Со стороны России вызвано и вызываются на действительную службу сотни тысяч человек, числящихся в запасе и живших в своих семьях и домах. Люди эти все с отчаянием и страхом или с напущенным, поддерживаемым водкой, молодечеством бросают семьи, садятся в вагоны и беспрекословно катятся туда, где, как они знают, в тяжелых мучениях погибли десятки тысяч таких же, как они, свезенных туда в таких же вагонах людей. И навстречу им катятся тысячи изуродованных калек, поехавших туда молодыми, целыми, здоровыми.

Все эти люди с ужасом думают о том, что их ожидает, и все-таки беспрекословно едут, стараясь уверить себя, что это так надо.

Что это такое? Зачем люди идут туда?

Что никто из этих людей не хочет делать того, что они делают, в этом не может быть никакого сомнения. Все эти люди не только не нуждаются в этой драке и не хотят участвовать в ней, но не могут даже себе объяснить, зачем они делают это. И не только они, те сотни, тысячи, миллионы людей, которые непосредственно и посредственно участвуют в этом деле, не могут объяснить себе, зачем всё это делается, но никто в мире не может

объяснить этого, потому что разумного объяснения этого дела нет и не может быть никакого.

Положение всех людей, участвующих в этом деле и смотрящих на него, подобно тому, в котором были бы люди, из которых одни сидели бы в длинном караване вагонов, катящихся по рельсам под уклон с неудержимой быстротой прямо к разрушенному мосту над пропастью, а другие беспомощно смотрели бы на это.

Люди, миллионы людей, не имея к этому никакого ни желания, ни повода, истребляют друг друга и, сознавая безумие такого дела, не могут остановиться.

Говорят, что из Манджурии возят каждую неделю сотни сумасшедших. Но ведь туда ехали и едут не переставая сотни тысяч совершенно безумных людей, потому что человек в здравом уме не может ни под каким давлением итти на отвратительное ему самому и безумное и страшно опасное и губительное дело — убийство людей.

Что же это такое? Отчего это делается? Что или кто причиной этого?

Сказать, что причиной этого те солдаты, русские и японские, которые стараются как можно больше убить, искалечить неизвестных и ничего не сделавших им людей, никак нельзя, потому что солдаты эти не только не чувствовали и не чувствуют никакой враждебности друг против друга, но год назад не имели ни малейшего понятия о существовании друг друга, а когда сходятся теперь, то дружелюбно общаются друг с другом.

Сказать, что виной этого офицеры, генералы, ведущие солдат, или разные чиновники, военные и штатские, изготовители орудий, снарядов, амуниций, крепостей, — тоже нельзя. Все они, эти офицеры, генералы, чиновники поставлены своей нуждой, своими слабостями, всем своим прошедшим в такое положение, в каком находится запряженная лошадь, которую сзади стегают и которой правят вожжами, или в положении голодной собаки, которую заманивают в конуру и ошейник кусочком сала, водят ей перед носом.

Все эти офицеры, генералы, чиновники, дипломаты, все так с детства запутаны, заверчены, что они не могут не делать того маленького, нехорошего дела, из которого слагается то большое, ужасное дело, которое совершается теперь. И потому нельзя и их назвать причиной: они не виноваты.

Кто же причина и кто же виноват? Микадо? Николай II? Так сначала представляется потому, что этих, кажется, уж нельзя ни принудить, ни приманить чем бы то ни было.

Представляется, что стоило только Николаю II не приказывать, не позволять делать всего того, что делалось в Манчжурии и в Корее, стоило ему согласиться на требования Японии, и войны бы не было; стоит ему теперь предложить условия мира, и война кончится. Всё как будто от него. Но это только так кажется. Про микадо я не знаю, но по тому, что знаю вообще о главах правительств, уверен, что он в тех же условиях, как и другие; про Николая же II я знаю, что это самый обыкновенный, стоящий ниже среднего уровня, грубо суеверный и непросвещенный человек, который поэтому никак не мог быть причиной тех огромных по своему объему и последствиям событий, которые совершаются теперь на Дальнем Востоке.

Разве может быть то, чтобы деятельность миллионов людей была направлена противно их воле и интересам только потому, что этого хочет один человек, во всех отношениях стоящий ниже умственного и нравственного среднего уровня всех тех людей, которые гибнут как будто по его воле?

Почему же кажется, что причина войны Николай и микадо?

А это кажется потому же, почему кажется, что минированный город взорван тем, кто пустил искру, воспламенившую мину, которая подведена под него.

Не Николай и не микадо сделали и делают войну, а делает это то устройство людей, при котором микадо и Николай могут причинить несчастья миллионов людей. Виноваты не они, а та машина, при которой это возможно; следовательно, виноваты те, кто устраивает машину.

Что же это за машина и кто ее устраивает?

II

Машина эта давно известна миру и давно известны дела ее. Это та самая машина, посредством которой в России властвовали, избивая и мучая людей, то душевно больной Иоанн IV, то зверски жестокий, пьяный Петр, ругающийся с своей пьяной компанией над всем, что свято людям, то ходившая по рукам безграмотная, распутная солдатка Екатерина первая, то немец Бирон, только потому, что он был любовник Анны Иоанновны, племянницы Петра, совершенно чуждой России и ничтожной женщины, то другая Анна, любовница другого немца, только потому, что некоторым людям выгодно было признать императором ее сына, младенца Иоанна, того самого, которого потом держали в тюрьме и убили по распоряжению Екатерины II. Потом захватывает машину незамужняя развратная дочь Петра Елизавета и посылает армию воевать против пруссаков; умерла она — и выписанный ею немец, племянник, посаженный на ее место, велит войскам воевать за пруссаков. Немца этого, своего мужа, убивает самого бессовестно-распутного поведения немка Екатерина II и начинает со своими любовниками управлять Россией, раздаривает им десятки тысяч русских крестьян и устраивает для них то греческий, то индийский проекты, ради которых гибнут жизни миллионов. Умирает она — и полуумный Павел распоряжается, как может распоряжаться сумасшедший, судьбами России и русских людей. Его убивают с согласия его родного сына. И этот отцеубийца царствует 25 лет, то дружа с Наполеоном, то воюя против него, то придумывая конституции для России, то отдавая презираемый им русский народ во власть ужасного Аракчеева. Потом царствует и распоряжается судьбами России грубый, необразованный, жестокий солдат Николай; потом неумный, недобрый, то либеральный, то деспотичный Александр II; потом совсем глупый, грубый и невежественный Александр III. Попал нынче по наследству малоумный гусарский офицер, и он устраивает со своими клеветами свой манчжуро-корейский проект, стоящий сотни тысяч жизней и миллиарды рублей.

Ведь это ужасно. Ужасно, главное, потому, что если и кончится эта безумная война, то завтра может новая фантазия с помощью окружающих его негодяев взбрести в слабую голову властвующего человека, и человек этот может завтра устроить новый африканский, американский, индийский проект, и начнут опять вытягивать последние силы из русских людей и погонят их убивать на другой край света.

И происходило и происходит это не в одной России, а везде, где существовало и существует правительство, т. е. такая организация, при которой малое меньшинство может заставлять большое большинство исполнять свою волю. Вся история европейских государств — история бешеных, всходящих один за другим на престол, глупых, развратных людей, убивающих, разоряющих и, главное, развращающих свой народ.

Вступает в Англии на престол бессовестный, жестокий негодяй, развратник Генрих VIII и ради того, чтобы прогнать жену и жениться на своей б...., выдумывает свое мнимо христианское исповедание, заставляя весь народ принять эту его выдуманную веру, и миллионы людей истреблены в борьбе за и против этого выдуманного исповедания.

Завладевает машиной величайший лицемер и злодей Кромвель и казнит другого, такого же, как он, лицемера Карла I и безжалостно губит миллионы жизней и уничтожает ту самую свободу, за которую он будто бы боролся.

Владеют во Франции машиной разные Людовики и Карлы, и всё их царствования такой же ряд злодеяний: убийства, казни, избиения, разорения народа, бессмысленные войны. Казнят, наконец, одного из них, и тотчас же Мараты и Робеспьеры захватывают машину и творят еще ужаснейшие преступления, губя не только людей, но великие истины, провозглашенные людьми того времени. Захватывает власть Наполеон и губит миллионы людей во всей Европе, То же происходит в Австрии, Италии, Пруссии. Такие же глупые, безнравственные властители и такие же жестокие, губительные для народа дела их, И всё это не только дела прошедшего, не то, что происходило когда-то и больше уже не повторится, — всё это происходит теперь, сейчас, везде, в самых мнимо свободных конституционных государствах и республиках, точно так же как и в деспотических, и в Англии, и в Турции, и в Германии, и в Абиссинии, и во Франции, и в России, и в Соединенных Штатах Америки, и в Марокко, и везде, где только действует машина, называемая правительством.

Везде, несмотря ни на какие конституции, без всякой внутренней надобности, только по разным сложным отношениям лиц, партий начинаются войны, как последние войны то французов, то англичан с Китаем, то англичан с бурами, то с Тибетом, то с Египтом, то Италии с Абиссинией, то России, Франции, Англии, Америки, Японии с Китаем, то теперь России с Японией.

Везде, где существует такое учреждение, посредством которого меньшинство может заставлять большинство делать всё то, что это меньшинство назовет законом или правительственными распоряжениями, везде каждый человек большинства всегда в опасности того, что на него и его семью могут обрушиться самые ужасные бедствия — и не стихийные бедствия, независимые от воли людской, а бедствия, происходящие от людей,

тех нескольких людей, которым он добровольно отдался в рабство.

III

Вот что писал об этом предмете еще в XVI веке французский писатель Лабоэти:

«Разумно — любить добродетели, уважать подвиги, признавать добро, откуда бы мы его ни получали, и даже лишаться своего удобства для славы и выгоды того, кого любим и кто того заслуживает: таким образом, если жители страны нашли такое лицо, которое показало им большую мудрость, чтобы охранять их, большую храбрость, чтобы их защищать, и великую заботу, чтобы управлять ими, и если вследствие этого они привыкли повиноваться ему так, чтобы предоставить ему некоторые выгоды, то я не думаю, чтобы это было неразумно...

Но боже мой! как назовем мы то, когда видим, что большое число людей не только повинуются, но служат, не только подчиняются, но раболепствуют перед одним человеком, и раболепствуют так, что не имеют ничего своего: ни имущества, ни детей, ни даже самой жизни, которые бы они считали своими, и терпят грабежи, жестокости не от войска, не от варваров, но от одного человека, и не от Геркулеса или Самсона, но от человека большей частью самого трусливого и женственного из всего народа.

Как назовем мы это?

Скажем ли мы, что такие люди трусы?

Если бы два, три, четыре не защищались от одного, это было бы странно, но всё-таки возможно, и можно было бы сказать, что это от недостатка мужества: но если сто тысяч людей, сто, тысяча деревень и городов, миллион людей не нападают на того одного, от которого все страдают, будучи его рабами, как мы назовем это? Трусость ли это?

Во всех пороках есть известный предел: двое могут бояться одного и даже десять, но тысяча, но миллионы, но тысяча деревень, если они не защищаются против одного, то это не трусость, она не может дойти до этого; так же как и храбрость не может дойти до того, чтобы один ваял крепость, напал на армию и завоевал государство. Итак, какой же это уродливый порок, не заслуживающий даже названия трусости, порок, которому нельзя найти достаточно скверного названия, который противен природе и который язык отказывается назвать...

Мы удивляемся храбрости, которую внушает свобода тем, кто ее защищает. Но то, что совершается во всех странах, со всеми людьми, всякий день, именно то, что один человек властвует над ста тысячами деревень, городов и лишает их свободы; кто бы поверил этому, если бы только слышал, а не видел это? И если бы это можно было видеть только в чужих и отдаленных землях, кто бы не подумал, что это скорее выдуманно, чем справедливо? Ведь того одного человека, который угнетает всех, не нужно побеждать, не нужно от него защищаться, он всегда побежден, только бы народ не соглашался на рабство. Не нужно ничего отнимать у него, нужно только ничего не давать ему. Стране не нужно ничего

делать, только бы она ничего не делала против себя, и народ будет свободен. Так что сами народы отдают себя во власть государям; стоит им перестать рабствовать, и они станут свободны. Народы сами отдают себя в рабство, перерезают себе горло. Народ, который может быть свободным, отдает сам свою свободу, сам надевает себе на шею ярмо, сам не только соглашается со своим угнетением, но ищет его. Если бы ему стоило чего-нибудь возвращение своей свободы, и он не искал бы ее, этого самого дорогого для человека и естественного права, отличающего человека от животного, то я понимаю, что он мог бы предпочесть безопасность и удобство жизни борьбе за свободу. Но если для того, чтобы получить свободу, ему нужно только пожелать ее, то неужели может быть народ в мире, который бы считал ее купленной слишком дорогой ценой, раз она может быть приобретена одним желанием? Человек, при помощи одного желания, может возвратить благо, за которое стоит отдать жизнь, — благо, утрата которого делает жизнь мучительной и смерть спасительной, может, но не желает этого. Как огонь от одной искры делается большим и все усиливается, чем больше он находит дров, и тухнет сам собой, сам себя уничтожает, теряет свою форму и перестает быть огнем, если только дров не подкладывают; так же и властители; чем больше они грабят, чем больше требуют, чем больше разоряют и уничтожают, чем больше им дают и им служат, тем они становятся сильнее и жаднее к уничтожению всего; тогда как если им ничего не дают, не слушаются их, то они без борьбы, без битвы становятся голы и ничтожны, становятся ничем, так как дерево, не имея соков и пищи, становится сухой, мертвую, веткою.

Чтобы приобрести желаемое благо, смелые люди не боятся опасности. Если трусливые и не умеют переносить страдания и приобретать благо, то желание иметь его остается при них, хотя они и не стремятся к нему, вследствие своей трусости. Это желание свойственно и мудрым и неразумным, и храбрым и трусам. Все они желают приобрести то, что может сделать их счастливыми и довольными; но я не знаю, почему люди не желают только одного: свободы; свобода — это великое благо; утрата ее влечет за собою все другие бедствия; без нее даже и те блага, которые остаются, теряют свой вкус и свою прелесть. И это-то великое благо, для получения которого достаточно одного: пожелать его, люди не желают приобрести, как бы только потому, что оно слишком легко достижимо.

Бедные, несчастные люди, бессмысленные народы, упорные в своем зле, слепые к своему добру, вы позволяете отбирать от вас лучшую часть вашего дохода, грабить ваши поля, ваши дома, вы живете так, как будто все это принадлежит не вам. И все эти бедствия и разорения происходят не от врагов, но от врага, которого вы сами себе создаете, за которого вы мужественно идете на войну, за величие которого вы не отказываетесь идти на смерть. Тот, кто так властвует над вами, имеет только два глаза, две руки, одно тело и ничего не имеет, чего бы не имел ничтожнейший человек из бесчисленного количества ваших братьев; преимущество, которое он имеет перед вами, — только то право, которое вы даете ему: истреблять вас. Откуда бы взял он столько глаз, чтобы следить за вами, если бы вы не давали их ему? Где бы он достал столько рук, чтобы бить вас, если бы он не брал их у вас? Или откуда веялись бы у него ноги, которыми он попирает ваши села? Откуда они у него, если они не ваши? Откуда бы была у него власть над вами, если бы вы не давали ее ему? Как бы мог он нападать на вас, если бы вы не были заодно с ним? Что бы он мог сделать вам, если бы вы не были укрывателями того вора, который вас грабит, участниками того убийцы, который убивает вас, если бы вы не были изменниками самим себе? Вы сеете

для того, чтобы он уничтожал ваши посевы, вы наполняете и убираете ваши дома для его грабежей; вы воспитываете ваших детей с тем, чтобы он вел их на свои войны, на бойню, чтобы он делал их исполнителями своих похотей, своих мщений; вы надрываетесь в труде для того, чтобы он мог наслаждаться удовольствиями и гваздаться в грязных и гадких удовольствиях; вы ослабляете себя для того, чтобы сделать его сильнее и чтобы он мог держать вас в узде. И от этих ужасов, которых не перенесли бы и животные, вы можете освободиться, если постараетесь даже не освободиться, но только пожелать этого.

Решитесь не служить ему более и вы свободны. Я не хочу, чтобы вы бились с ним, нападали на него, но чтобы вы только перестали поддерживать его, и вы увидите, что он, как огромная статуя, из под которой вынули основание, упадет от своей тяжести и разобьется вдребезги».

Сочинение это было написано четыре века тому назад и, несмотря на всю ту ясность, с которой было в нем показано, как безумно люди губят свою свободу и жизнь, отдаваясь добровольно рабству, люди не последовали совету Лабоэти, — только не поддерживать правительственное насилие, чтобы оно разрушилось, — не только не последовали его сову, но скрыли от всех значение этого сочинения, и во французской литературе до последнего времени царствовало мнение, что Лабоэти не думал того, что писал, а что это было только упражнение в красноречии.

Как ни очевидно должно бы быть людям, что главные их бедствия происходят от того устройства, которое держит их в рабстве, люди продолжают поддерживать это устройство и отдаваться тем людям, которые стоят во главе его.

И каким людям? Людям таким отвратительным, как Екатерина, Людовик XI, как Яков английский, испанский Филипп, как Наполеоны I и III.

IV

Ведь еще можно было бы как-нибудь оправдывать подчинение целого народа нескольким людям, если бы эти властвующие люди, уже не говорю, были самые хорошие люди, а хоть только не худшие люди; если бы хоть изредка властвовали не лучшие, но порядочные люди; но ведь этого нет, никогда не было и не может быть. Властвуют всегда наиболее дурные, ничтожные, жестокие, безнравственные и, главное, лживые люди. И то, что это так, не есть случайность, а общее правило, необходимое условие власти. Вот что говорит Маккиавелли, человек, который знает, в чем состоит правительственная власть, как надо приобретать и поддерживать ее:

«Война, военное искусство и дисциплина должны составлять главнейший предмет забот каждого государя. Все его мысли должны быть направлены к изучению и усовершенствованию военного искусства и ремесла; он не должен увлекаться ничем другим, так как в этом искусстве вся тайна силы власти государя, и, благодаря ему, не только наследственные государя, но даже и обыкновенные граждане могут достигать верховного управления. Презирать военное искусство значит идти к гибели, владеть им в

совершенстве, значит обладать возможностью приобретения верховной власти...

Ни один государь, следовательно, не должен ни на минуту забывать о военном деле и в особенности должен постоянно упражняться в нем, в мирное время...

Страсть к завоеваниям — дело, без сомнения, весьма обыкновенное и естественное: завоеватели, умеющие достигать своих целей, достойны скорее похвалы, нежели порицания, но создавать планы, не будучи в состоянии их осуществлять, — и неблагоприятно, и нелепо.

Завоеватель может тремя способами удержать за собою покоренные страны, управляющиеся до этого собственными законами и пользовавшиеся свободными учреждениями. Первый способ: разорить и обессилить их; второй: лично в них поселиться, и третий: оставить неприкосновенными существующие в них учреждения, обложив только жителей данью и учредив у них управления с ограниченным личным составом для удержания жителей в верности и повиновении...

Государь не должен бояться осуждения за те пороки, без которых невозможно сохранение за собою верховной власти, так как, изучив подробно разные обстоятельства, легко понять, что существуют добродетели, которые ведут к гибели лица, обладающее ими, и есть пороки усвоивая которые, государи только могут достигнуть безопасности и благополучия...

Государи, когда дело идет о верности и единстве их подданных, не должны бояться прослыть жестокими. Прибегая в отдельных случаях к жестокостям, государи поступают милосерднее, нежели тогда, когда от избытка снисходительности допускают развиваться беспорядкам, ведущим к грабежу и насилию, потому что беспорядки составляют бедствие целого общества, а казни поражают только отдельных лиц...

Я нахожу, что желательно было бы, чтобы государи достигали одновременно и того и другого, но так как осуществить это трудно, и государям обыкновенно приходится выбирать, что в видах личной их выгоды, замечу, что полезнее держать подданных в страхе. Люди, говоря вообще, неблагодарны, непостоянны, лживы, боязливы и алчны; если государи осыпают их благодеяниями, они прикидываются приверженными к ним до самоотвержения и, как я уже выше говорил, если опасность далека, предлагают им свою кровь, средства и жизнь свою и детей своих; но, едва наступает опасность, — бегут не прочь от измены. Государь, слишком доверяющий подобным обещаниям и не принимающий никаких мер для своей личной безопасности, обыкновенно погибает, потому что привязанность подданных, купленных подачками, а не величием и благородством души, хотя и легко приобретается, но не прочна, и, в минуты необходимости, нельзя на нее полагаться. Кроме того, люди скорее бывают готовы оскорблять тех, кого любят, чем тех, кого боятся; любовь обыкновенно держится на весьма тонкой основе благодарности, и люди, вообще злые, пользуются первым предлогом, чтобы в видах личного интереса, изменить ей; боязнь же основывается на страхе наказания, никогда не оставляющем человека...

В военное время, вообще располагая значительными армиями, государи могут быть жестокими без боязни, так как без жестокости трудно поддержать порядок и повиновение в

войсках...

Возвращаясь в вопросу, что выгоднее для государей, то ли, когда подданные их любят, или когда они их боятся, я заключаю, что так как в первом случае они бывают в зависимости от подданных, возбуждая же боязнь, бывают самостоятельны, то для мудрого правителя гораздо выгоднее утвердиться на том, что зависит от него, нежели на том, что зависит от других. При этом однако же, как я уже сказал, государи должны стараться не возбуждать к себе ненависти...

Существуют два способа действия для достижения целей: путь закона и путь насилия. Первый способ — способ человеческий; второй — способ диких животных; но так как первый способ не всегда удается, то люди прибегают иногда и ко второму. Государи должны уметь пользоваться обоими способами.

Государь, действуя грубой силой, подобно животным должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая качествами только льва, он не будет уметь остерегаться и избегать западни, которую будут ему ставить; будучи же только лисицею, он не будет уметь защищаться против врагов, так что, для избежания сетей и возможности победы над врагами, государи должны быть и львами и лисицами.

Те, которые захотят щеголять одной только львиной ролью, выкажут этим лишь крайнюю свою неумелость.

Предусмотрительный государь не должен, следовательно, исполнять своих обещаний и обязательств, раз такое исполнение будет для него вредно, и если все мотивы, вынудившие его обещание, устранены. Конечно, если бы все люди были честны, — подобный совет можно было бы считать за безнравственный, но так как люди обыкновенно не отличаются честностью, и подданные относительно государей не особенно заботятся о выполнении своих обещаний, то и государям относительно их не для чего быть щекотливыми. Для государей же не трудно всякое свое клятвopреступление прикрывать благовидными предложениями. В доказательство этого можно привести бесчисленные примеры из современной истории, можно указать на множество мирных трактатов и соглашений всякого рода, нарушенных государями или оставшихся мертвой буквою за неисполнением их. При этом станет очевидно, что в больших барышах оставались те государи, которые лучше умели подражать в своих действиях лисицам. Необходимо, однако же, последний способ действий хорошо скрывать под личиной честности, государи должны обладать великим искусством притворства и одурачивания, потому что люди бывают обыкновенно до того слепы и отуманены своими насущными потребностями, что человек, умеющий хорошо лгать, всегда найдет достаточно легковверных людей, охотно поддающихся обману...

Государям, следовательно, нет никакой надобности обладать в действительности... хорошими качествами... но каждому из них необходимо показывать вид, что он всеми ими обладает. Скажу больше — действительное обладание этими качествами вредно для личного блага государя, притворство же и личина обладания ими — чрезвычайно полезны. Так, для государей очень важно уметь выказываться милосердными, верными своему слову, человеколюбивыми, религиозными и откровенными; быть же таковыми на самом деле не

вредно только в таком случае, если государь с подобными качествами сумеет в случае надобности, заглушит их и выказать совершенно противоположные.

Едва ли кто-нибудь станет сомневаться в том, что государям, особенно только-что получившим власть или управляющим вновь возникающими монархиями, бывает невозможно согласовать свой образ действий с требованиями нравственности: весьма часто для поддержания порядка в государстве они должны поступать против законов совести, милосердия, человеколюбия, и даже против религии. Государь должен обладать гибкой способностью изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам и как я сказал выше, если возможно, не избегать честного пути, но в случае необходимости, прибегать и к бесчестным средствам.

Государь должен усиленно заботиться о том, чтобы каждая фраза, исходящая из их уст, представлялась продиктованной совместно всеми пятью перечисленными мною качествами, чтобы слушающему государя особа его представлялась самою истинною, самым милосердием, самым человеколюбием, самою искренностью и самым благочестием. Особенно важно для государей притворяться благочестивыми; в этом случае люди, судящие по большей части только по одной внешности, так как способность глубокого суждения дана не многим, — легко обманываются. Личина для государей необходима, так как большинство судит о них по тому, чем они кажутся, и только весьма немногие бывают в состоянии отличать кажущееся от действительного; и если даже эти немногие поймут настоящие качества государей, они не дерзнут высказать свое мнение, противное мнению большинства, да и побоятся посягнуть этим на достоинство верховной власти, представляемой государем. Кроме того, так как действия государей неподсудны трибуналам, то подлежат осуждению одни только результаты действий, а не самые действия. Если государь сумеет только сохранить свою жизнь и власть, то все средства, какие бы он ни употреблял для этого, будут считаться честными и похвальными».

Все эти истины известны были не только государям, к которым обращается Маккиавелли, но и всем людям, которые властвовали и теперь властвуют над людьми в какой бы то ни было форме: в форме ли деспотического монарха, президента, первого министра или собрания законодателей и управителей, все, особенно те, которые имели и имеют наибольший успех и, не читая Маккиавелли, всегда в точности исполняли и исполняют его правила.

В сущности, стоит только вдуматься в то, в чем состоит власть, чтобы понять, что не может быть иначе.

Власть над другим человеком есть не что иное как признанное право не только предавать других людей мучениям и убийствам, но и заставлять людей мучить самих себя. А достигнуть того, чтобы люди по воле начальствующего мучили и убивали друг друга, нельзя иначе, как обманами, ложью, коварством и, главное, жестокостью. Так всегда поступали и не могут не поступать все властители.

Прочтите или вспомните историю европейских христианских народов со времен реформации. Это непрерывный перечень самых ужасных, бессмысленно-жестоких преступлений, совершаемых правительственными людьми против своих и чужих народов и друг против друга: неперестающие войны, грабежи, уничтожения или подавления народностей, истребление целых народов, разорение мирных жителей ради корыстолюбия, тщеславия, зависти иди под предлогом установления религиозной истины, неперестающие костры, на которых сжигаются среди тысяч рядовых людей и лучшие люди своего времени, измены, лжи, коварства, захваты чужих имущества, пытки, тюрьмы, казни и разврат, ужасающий, неестественный разврат, который можно увидеть только среди этих несчастных властителей. И это не одни Карлы IX, Генрихи VIII, Иоанны Грозные, но восхваляемые Людовики французские, Елизаветы английские, Екатерины, и Петры, и Фридрихи, все они делают только это. Современные правительства, то есть люди, составляющие правительство теперь (всё равно в неограниченной, ограниченной монархии, в республике) делают то же самое, но могут не делать, потому что в этом их дело.

Дело ведь их в том, чтобы посредством насилия, в виде податей прямых и косвенных, отбирать бóльшую часть имущества у трудящегося народа и употреблять эти средства по своему усмотрению, то есть всегда для достижения партийных или своих личных, корыстных, честолюбивых, тщеславных целей. Во-вторых, в том, чтобы насилием поддерживать право одних людей владения землею, отнятой у всего народа. В-третьих, составлять наймом или призывом войско, то есть профессиональных убийц, и посылать этих убийц по своему усмотрению на убийства и грабежи тех или других людей. Или, наконец, составлять законы, которые оправдывали бы и освящали все эти злодеяния. И это самое делают теперешние Рузвельты, Николаи II, Чемберлены и Вильгельмы с своими помощниками и парламентами. В этом их дело. И потому дело это могут делать только самые безнравственные люди. Стоит только вдуматься в сущность того, в чем состоит употребление правительственной власти, для того чтобы понять, что управляющие народами люди должны быть жестокими, безнравственными и непременно стоять ниже среднего нравственного уровня своего времени и общества. Не только нравственная, но не вполне безнравственная личность не может быть на престоле или министром или законодателем, решителем и определителем судьбы целых народов. Нравственный, добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как нравственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник.

Деятельность всякого правительства есть ряд преступлений.

Так это представляется, когда рассматриваешь самую эту деятельность; но это еще очевиднее, когда рассматриваешь положение каждого отдельного человека, подлежащего власти правительства.

Огромное большинство людей, рождающихся на планете земле, тотчас же со дня своего рождения оказываются лишенными права пользоваться той землей, на которой они родились, — не только пользоваться тем, что есть на поверхности и внутри земли, но даже и права находиться на ней, не платя за это своим трудом тем, которым государственная власть передает право владеть землей как собственностью, защищая такой грабеж как священное право. Лишенный таким образом самого естественного и законного права на

пользование землей, на которой он родился, такой человек отыскивает какое-либо другое средство существования и, чтобы насколько возможно улучшить положение свое и своей семьи, иметь досуг учиться, думать, отдыхать, общаться с людьми, он работает изо всех сил, отдавая узаконенную дань грабителю за право жить на земле и пользоваться ею; но его не оставляют в покое. С него прямыми или косвенными путями берут еще подати для оплаты чиновников, духовенства, в которых он может не нуждаться, или для учреждения дворцов, памятников и содержания двора и сановников, в которых он уже наверное совсем не нуждается, на содержание таможен, в которых он не только не нуждается, но которые вредны ему, на уплату процентов по государственным займам, совершенным за сотни лет до его рождения для войн, в которых не нуждались его предки, и на приготовления к войнам и на самые войны, которые не только не нужны, но губительны для него и для его близких. Он покоряется, потому что все эти требования поддерживаются насилием, т. е. угрозой убийства, и платит все эти подати, но правительственная машина и тут не оставляет его. В большинстве государств он должен, достигнув двадцатилетнего возраста, идти на военную службу, т. е. в самое жестокое рабство; в государствах же, где нет воинской повинности, должен платить для этого усиленные подати и, во всяком случае, быть готовым на все те бедствия, которые несут с собою войны.

Таковы те материальные бедствия, которые совершенно невинно претерпевает всякий человек от правительственной власти. Но это далеко не всё. Самое ужасное зло, совершаемое правительствами, это — умственное и нравственное развращение, которому они подвергают свои народы. Родится ребенок, и его тотчас же причисляют к вере, установленной государственной властью. Так это всегда было и так это и теперь в большинстве государств. Там же, где этого нет, ему от этого не легче. Как только он возрастет, его обязательно посылают в школу, учрежденную правительством. И в школе этой его неизменно учат тому, что правительство с своей властью вообще есть необходимое условие его жизни и что то самое правительство, среди которого он родился, есть наилучшее правительство в мире, будет ли это правительство русского царя, или турецкого султана, или правительство английское с своим Чемберленом и колониальной политикой, или правительство Северо-Американских Штатов с своим покровительством трестам и империализмом. Такова низшая, обязательная школа и таковы и все высшие школы, в которые может поступить возросший гражданин русского, турецкого, английского, французского или американского государства. Но не только в школе, — в литературе, в собраниях, в памятниках, на улицах, в прессе, или подкупленной правительствами, или угождающей правительству, или принадлежащей богачам, опирающимся на правительство, — везде гражданин какого бы то ни было государства будет подвергаться тому развращающему внушению правительств о том, что власть вообще и его государство в особенности со своими цепями, тюрьмами, виселицами, войсками есть необходимое условие жизни его и его близких, есть почтенная, прекрасная, достойная всякого уважения и почестей деятельность, в которой каждый человек должен считать себя счастливым, если может участвовать, и представителей которой он должен почитать, преклоняться перед ними и подражать им.

Человек лишен всех своих самых естественных прав, большая часть его труда отнята от него в пользу дела зла, он незаметно для себя так запутан в расставленных со всех сторон сетях, что он такой же раб правительства, каковы были рабы рабовладельцев, с той только

разницей, что рабы рабовладельцев могли быть рабами добрых и нравственных хозяев, правительственные же рабы — всегда рабы самых развращенных, жестоких и лживых людей.

И, что хуже всего, что будучи такими рабами самых жестоких и дурных людей, правительственные рабы не только не знают того, что они рабы, и не желают свободы, но и воображают, особенно в конституционных и республиканских государствах, что они совершенно свободные люди, и гордятся своим рабством.

VI

«Что такое в наше время правительства, без которых людям кажется невозможным существовать?»

Если было время, когда правительства были необходимое и меньшее зло, чем то, которое происходило от незащитности против организованных соседей, то теперь правительства стали ненужное и гораздо большее зло, чем всё то, чем они пугают свои народы.

Правительства, не только военные, но правительства вообще, могли бы быть, уже не говорю — полезны, но безвредны, только в том случае, если бы они состояли из непогрешимых, святых людей, как это и предполагается у китайцев. Но ведь правительства по самой деятельности своей, состоящей в совершении насилий, всегда состоят из самых противоположных святости элементов, из самых дерзких, грубых и развращенных людей.

Всякое правительство поэтому, а тем более правительство, которому предоставлена военная власть, есть ужасное, самое опасное в мире учреждение.

Правительство, в самом широком смысле, включая в него и капиталистов и прессу, есть не что иное, как такая организация, при которой большая часть людей находится во власти стоящей над ними меньшей части; эта же меньшая часть починяется власти еще меньшей части, а эта еще меньшей и т. д., доходя, наконец, до нескольких людей или одного человека, которые посредством военного насилия получают власть над всеми остальными. Так что всё это устройство подобно конусу, все части которого находятся в полной власти тех лиц или того лица, которое находится на вершине его.

Вершину же этого конуса захватывают те люди или тот человек, который более хитер, дерзок и бессовестен, чем другие, или случайный наследник тех, которые более дерзки и бессовестны.

Нынче Борис Годунов, завтра Григорий Отрепьев, нынче распутная Екатерина, удушившая со своими любовниками мужа, завтра Пугачев, после завтра безумный Павел, Николай, Александр III.

Нынче Наполеон, завтра Бурбон или Орлеанский, Буланже или компания панамистов; нынче Гладстон, завтра Сольсбери, Чемберлен, Родс.

И таким-то правительствам предоставляется полная власть не только над имуществом, жизнью, но и над духовным и нравственным развитием, над воспитанием, религиозным руководством всех людей.

Устроят себе люди такую страшную машину власти, предоставляя захватывать эту власть кому попало (а все шансы за то, что захватит ее самый нравственно дрянной человек), и рабски подчиняются и удивляются, что им дурно. Боятся мин, анархистов, а не боятся этого ужасного устройства, всякую минуту угрожающего им величайшими бедствиями...

Старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог со всеми ими делать всё, что захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодяю или дураку захватить ее и делать с ними всё, что им нужно.

Ведь что же, как не это самое, делают народы, подчиняясь, учреждая и поддерживая организованное с военной властью правительство?»[29]

«Но разве можно жить без правительства? Без правительства будет хаос, анархия, погибнут все успехи цивилизации, и люди вернуться к первобытной дикости. Только троньте существующий порядок вещей, — говорят обыкновенно не только те, которым этот порядок вещей выгоден, но и те, которым он явно невыгоден, но которые так привыкли к нему, что не могут себе представить жизни без правительственного насилия, — уничтожение правительства произведет величайшие несчастья: буйства, грабежи, убийства, в конце которых будут царствовать все дурные и будут в порабощении все хорошие люди, — говорят они».[30]

«Все люди, находящиеся во власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насильничали над добрых, подразумевая под этим то, что они-то и суть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых.

Но ведь властвовать — значит насильничать, насильничать — значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает насилие; следовательно, властвовать — значит делать другому то, чего мы не хотим чтобы нам делали, то есть делать злое.

Покоряться, значит предпочитать терпение насилию. Предпочитать же терпение насилию — значит быть добрым или хоть менее злым, чем те, которые делают другим то, чего не желают себе.

И потому все вероятия за то, что властвовали всегда и теперь властвуют не более добрые, а, напротив, более злые, чем те, над которыми они властвуют. Могут быть злые и среди тех, которые подчиняются власти, но не может быть того, чтобы более добрые властвовали над более злыми».[31]

«И потому, не говоря уже о том, что всё это, т. е. буйства, грабежи, убийства, в конце которых наступит царство злых и порабощение добрых, — что всё это уже было и теперь есть, не говоря уже об этом, предположение о том, что нарушение существующего устройства произведет смуты и беспорядки, не доказывает того, чтобы порядок этот был

хорош.

Только троньте существующий порядок, — и произойдут величайшие бедствия».

Только троньте один кирпич из тысяч кирпичей, сложенных в высокий, в несколько сажен, узкий столб, — и развалятся и разобьются все кирпичи. Но то, что всякий вынутый кирпич и всякий толчок разрушат такой столб и все кирпичи, никак не доказывает того, чтобы разумно было держать кирпичи в неестественном и неудобном положении. Наоборот, это показывает то, что кирпичи не надо держать в таком столбе, а надо разложить их так, чтобы они твердо держались и можно бы было ими пользоваться, не разрушая всего устройства. То же и с теперешним государственным устройством. Государственное устройство есть устройство весьма искусственное и шаткое, и то, что малейший толчок разрушает его, не только не доказывает того, что оно необходимо, но, напротив, показывает то, что если оно и было когда-нибудь нужно, то теперь оно вовсе не нужно и потому вредно и опасно.

Оно вредно и опасно потому, что при этом устройстве все то зло, которое существует в обществе, не только не уменьшается и не исправляется, а только усиливается и утверждается. Усиливается и утверждается оно потому, что оно или оправдывается и облачается в привлекательные формы или скрывается.

Всё то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилем, так называемых благоустроенных государствах, ведь есть только видимость — фикция. Всё, что может нарушить внешнее благообразие, все голодные, больные, безобразно развращенные, все попятаны по таким местам, где их нельзя видеть, но то, что они не видны, не доказывает того, что их нет; напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят. Правда, что всякое нарушение, а тем более прекращение правительственной деятельности, то есть организованного насилия, нарушит такое внешнее благообразие жизни, но это нарушение произведет не расстройство жизни, а только обнаружит то, которое было скрыто, и даст возможность исправления его.

Люди думали и верили до последнего времени, до конца нынешнего столетия, что они не могут жить без правительства. Но жизнь идет, условия жизни и взгляды людей изменяются. И, несмотря на усилия правительств, направленные к тому, чтобы удержать людей в этом детском состоянии, в котором обиженному человеку кажется легче, если есть кому пожаловаться, люди, в особенности рабочие люди, не только в Европе, но и в России, всё больше и больше выходят из ребячества и начинают понимать истинные условия своей жизни.

«Вы говорите нам, что без вас нас завоюют соседние народы: китайцы, японцы, — говорят теперь люди из народа, — но мы читаем газеты и знаем, что никто не угрожает нам войною, а что только одни вы, правители, для каких-то непонятных нам целей, озлобляете друг друга и потом, под предлогом защиты своих народов, разоряя нас податями на содержание флотов, вооружений, стратегических железных дорог, нужных только для вашего честолюбия и тщеславия, затеваете войны друг с другом, как теперь вы это устроили с миролюбивыми китайцами. Вы говорите, что вы для нашего блага ограждаете земельную

собственность, но ваше ограждение делает то, что вся земля или перешла или переходит во власть не работающих компаний, банкиров, богачей, а мы, огромное большинство народа, обезземелены и находимся во власти не работающих. Вы со своими законами о земельной собственности не ограждаете земельную собственность, а отнимаете ее у тех, кто работает. Вы говорите, что ограждаете за всяким человеком произведения его труда, а между тем делаете как раз обратное: все люди, производящие ценные предметы, благодаря вашему мнимому ограждению, поставлены в такое положение, что никогда не только не могут получать стоимости своего труда, но вся жизнь их находится в полной зависимости и власти не работающих людей...»

Говорят, что без правительств не будет тех учреждений: просветительных, воспитательных, общественных, которые нужны для всех.

Но почему же предполагать это? Почему думать, что неправительственные люди не сумеют сами для себя устроить свою жизнь так же хорошо, как ее устраивают не для себя, а для других правительственные люди?

Мы видим, напротив, что в самых разнообразных случаях жизни в наше время люди устраивают сами свою жизнь без сравнения лучше, чем ее устраивают для них правящие ими люди. Люди без всякого вмешательства правительства, и часто несмотря на вмешательство правительства, составляют всякого рода общественные предприятия — союзы рабочих, кооперативные общества, компании железных дорог, артели, синдикаты. Если для общественного дела нужны сборы, то почему же думать, что без насилия свободные люди не сумеют добровольно собрать нужные средства и учредить всё то, что учреждается посредством податей, если только эти учреждения для всех полезны? Почему думать, что не могут быть суды без насилия? Суд людей, которым доверяют судящиеся, всегда был и будет и не нуждается в насилии. Мы так извращены долгим рабством, что не можем себе представить управление без насилия.

Но это неправда. Русские общины, переселяясь в отдаленные края, где наше правительство не вмешивается в их жизнь, устраивают сами свои сборы, свое управление, свой суд, свою полицию и всегда благоденствуют до тех пор, пока правительственное насилие не вмешивается в их управление...

Десятки тысяч десятин леса, принадлежащих одному владельцу, тогда как тысячи людей рядом не имеют топлива, нуждаются в ограждении насилием. Так же нуждаются в ограждении заводы, фабрики, на которых несколько поколений рабочих были ограблены и продолжают ограбляться. Еще более нуждаются в ограждении сотни тысяч пудов хлеба одного владельца,ждавшего голода, чтобы продавать его втридорога голодающему народу...

Обыкновенно говорят: попробуйте уничтожить право собственности земли и предметов труда — и никто, не будучи уверен в том, что у него не отнимут то, что он сработает, не станет трудиться. Надо сказать совершенно обратное: ограждение насилием права незаконной собственности, практикующееся теперь, если не уничтожило вполне, то значительно ослабило в людях естественное сознание справедливости по отношению

пользования предметами, то есть естественного и прирожденного права собственности, без которого не могло бы жить человечество и которое всегда существовало и существует в обществе...

Понятно, что можно сказать, что лошадям и быкам нельзя жить без насилия над ними разумных существ — людей; но почему людям нельзя жить без насилия над ними — не каких-либо высших существ, а таких же, какие они сами? Почему люди должны покоряться насилию именно тех людей, которые в данное время находятся во власти? Что доказывает, что эти люди — люди более разумные чем те, над которыми они совершают насилие?

То, что они позволяют себе делать насилие над людьми, показывает то, что они не только не более разумны, но менее разумны, чем те, которые им покоряются...

Говорят: как могут люди жить без правительств, т. е. без насилия? Надо сказать напротив: как могут люди, разумные существа, жить, признавая внутренней связью своей жизни насилие, а не разумное согласие?

Одно из двух: или люди разумные или неразумные существа. Если они неразумные существа, то они все неразумные существа, и тогда все между ними решается насилием, и нет причины одним иметь, а другим не иметь права насилия. И насилие правительства не имеет оправдания. Если же люди разумные существа, то их отношения должны быть основаны на разуме, а не на насилии людей, случайно захвативших власть»...[32]

«Люди и говорят, что... уничтожение государственной формы повлекло бы за собой уничтожение всего того, что выработало человечество, что государство как было, так и продолжает быть единственной формой развития человечества, и что всё то зло, которое мы видим среди народов, живущих в государственной форме, происходит не от этой формы, а от злоупотреблений, которые могут быть исправлены без уничтожения, и что человечество, не нарушая государственной формы, может развиваться и дойти до высокой степени благосостояния. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им неопровержимыми и философские, и исторические, и даже религиозные доводы. Но есть люди, полагающие обратное, именно то, что так как было время, когда человечество жило без государственной формы, то форма эта временная, и должно наступить время, когда людям понадобится новая форма, и что время это наступило теперь. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им тоже неопровержимыми и философские, и исторические, и религиозные доводы.

Можно написать томы в защиту первого мнения (они уже и давно написаны и всё еще пишутся), но можно написать (и тоже, хотя и недавно, но много и блестяще написано) и многое против него.

И нельзя доказать того, как это утверждают защитники государства, что уничтожение государства повлечет за собой общественный хаос, взаимные грабежи, убийства и уничтожение всех общественных учреждений и возвращение человечества к варварству... Еще меньше можно доказать это опытом, так как вопрос состоит в том, следует или не следует делать опыт. Вопрос о том, наступило или не наступило время упразднения

государства, был бы неразрешимым, если бы не существовал другой жизненный способ неоспоримого решения его.

Совершенно независимо от чьего бы то ни было суждения о том, созрели ли птенцы настолько, чтобы вылупиться из яиц, или еще не созрели для этого, неоспоримым решителем вопроса будут птенцы, когда они, уже не умещааясь более в яйцах, начнут пробивать их клювом и сами выходить из них.

То же с вопросом о том, наступило ли или не наступило для людей время уничтожения государственной формы и замены ее новой. Если человек, вследствие выросшего в нем высшего сознания, не может уже более исполнять требований государства, не умещается уже более в нем и вместе с тем не нуждается более в ограждении государственной формой, то вопрос о том, созрели ли люди для отмены государственной формы или не созрели, решается совсем с другой стороны и так же неоспоримо, как и для птенца, вылупившегося из яйца, в которое уже никакие силы мира не могут вернуть его, — самими людьми, выросшими уже из государства и никакими силами не могущими быть возвращенными в него.

«Очень может быть, что государство было нужно и теперь нужно для всех тех целей, которые вы приписываете ему, — говорит человек, усвоивший христианское жизнепонимание, — знаю только то, что с одной стороны, мне не нужно более государство, с другой, я не могу более совершать те дела, которые нужны для существования государства. Устраивайте для себя то, что нужно вам для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общего вреда государства; я знаю только то, что мне нужно и не нужно, что мне можно и нельзя. Я знаю про себя, что мне не нужно отделение себя от других народов, и потому я не могу признавать своей исключительной принадлежности к какому-либо народу и государству и подданства какому-либо правительству; знаю про себя, что мне не нужны все те правительственные учреждения, которые устраиваются внутри государств, и потому я не могу, лишая людей, нуждающихся в моем труде, отдавать его в виде подати на ненужные мне и, сколько я знаю, вредные учреждения; я знаю про себя, что мне не нужны ни управления, ни суды, производимые насилием, и потому я не могу участвовать ни в том, ни в другом; я знаю про себя, что мне не нужно ни нападать на другие народы, убивая их, ни защищаться от них оружием в руках, и потому я не могу участвовать в войнах и приготовлениях к ним. Очень может быть, что есть люди, которые не могут не считать всего этого нужным и необходимым; я не могу спорить с ними, я знаю только про себя, зато несомненно знаю, что мне этого не нужно»...[33]

Людей таких уже очень много; но люди эти все-таки продолжают подчиняться государству и поддерживать его. Отчего это?

VII

Причина этого, я думаю, такая: среди народов христианского мира ослаблена, затемнена, если не совершенно отсутствует в огромном большинстве главная движущая сила народа: религия. Какова бы ни была религия народа, как бы грубо она ни была выражена, всегда

только на основании религии народа устанавливается тот или иной склад его жизни, и только на основании изменений, происходящих в религии народа, изменяется и склад его жизни.[34]

Это так, потому что главное направление и склад жизни каждого человека обуславливается тем назначением, которое он признает за собой в жизни, а так как определяет назначение человека только религия, то ясно, что как для отдельных личностей, так и для народов (как ни разнообразен склад жизни каждого народа) направление и склад жизни определяется преимущественно его религией. Само собой разумеется, что на склад жизни всякого народа, кроме религии, влияют и другие причины, но главное изменение и переход от низшего, менее совершенного состояния к высшему, более совершенному, обуславливается всегда только религией. Европейские народы перешли от низшего состояния к высшему, когда приняли христианство; также перешли на высшую степень развития арабы и турки, став магометанами, и народы Азии, приняв буддизм, конфуцианство или таосизм.

Совершившееся изменение в религиозном сознании народа неизбежно влечет за собою изменение и во внешних формах жизни народа. Так это всегда было, так это и теперь. Но бывают времена, когда в религиозном сознании людей произошло уже изменение, а между тем изменение это еще не успело выразиться во внешних формах жизни, и продолжается прежняя жизнь общества, сложившаяся на основании религиозного сознания, уже не признаваемого людьми этого общества. Происходит это оттого, что уяснение, очищение, изменение, рост религиозного сознания совершается непрерывно, незаметно; формы же жизни изменяются менее постепенно, несоответственно незаметному приросту сознания, изменяются порывами. Зародыш зерна растет непрерывно, оболочка же разрывается. То же и с сознанием и формой общественной жизни.

Нечто подобное испытывает каждый человек, переходя из одного возраста в другой. То, что совершается в жизни отдельного человека, совершается и в жизни целого общества. В сознании ребенка, переходящего в юношу, и юноши, переходящего в мужа, и мужа — в старика, совершаются изменения сознания, постепенные, незаметные, но, переходя из одного возраста в другой, человек продолжает иногда долго еще жить мирозерцанием прежнего возраста. Не веря же тому, чему верил прежде, и не установив еще и нового отношения к миру, человек живет в такие периоды времени без всякого руководства.

И как отдельные люди в такие переходные времена часто живут особенно неразумной, мучительной, бурной жизнью, так это бывает в целых обществах людей, когда формы их жизни не отвечают уже их сознанию.

Таково, я думаю, время, которое переживают теперь христианские народы.

Религиозное сознание, на основании которого сложились существующие формы жизни, пережито человечеством, новое же религиозное понимание жизни еще не создано, и люди нашего времени живут без всякого определенного понимания смысла, назначения своей жизни и внутреннего руководства в поступках.

Одна, большая часть людей нашего мира исповедует различно извращенную, но всегда извращенную христианскую веру, под именем которой разумеется составленный за 1600 лет тому назад соборами свод утверждающих величайшие нелепости догматов. И эта прямо противоречащая всем современным знаниям и здравому смыслу мнимо христианская вера, не дающая никаких основ поведения, кроме слепой веры и послушания тем лицам, которые называют себя церковью, занимает то место, которое всегда занимала и должна занимать истинная религия, дающая объяснение смысла жизни и выведенное из этого смысла жизни руководство поведения.

Другая, меньшая часть людей, называющая себя просвещенными, образованными людьми, находится в положении еще более невыгодном для ведения доброй и разумной жизни. Люди эти, освободившиеся от обмана мнимо христианской веры, находятся под властью другого, еще худшего, чем церковное христианство, обмана, так называемого научного мировоззрения, из которого не может быть выведено никакого разумного руководства поведения. Мировоззрение это состоит в отказе от главного свойства жизни человеческой природы, отличающего человека от животного, — уяснения своего положения и назначения в мире, от того, что составляет сущность религиозного сознания, и в замене этого сознания собранием случайных, ничем не связанных между собою, ненужных наблюдений и знаний о самых разнообразных предметах. По мировоззрению этому (если можно так назвать отсутствие мировоззрения) всякая религия по существу своему есть заблуждение, и нет никакой надобности искать разумного объяснения смысла жизни и вытекающего из него руководства поведения, так как совершенно достаточное руководство поведения дает наука вообще и в особенности мнимая наука социологии, по законам которой движется человечество. Но так как наука эта только в будущем определит все законы жизни, то в действительности люди этого мировоззрения живут или бессознательно под внушением прежних религиозных правил или вовсе без всякого руководства, беспрепятственно предаваясь своим страстям и похотям и даже «научно» оправдывая их. Таково жалкое заблуждение меньшинства людей, считающих себя передовыми людьми общества.

Третья же часть людей нашего времени самая большая. Это люди всех родов, всех сословий, всех степеней образования, которые, совершенно освободившись от всякого стеснения церковной веры и из научного суеверия усвоив себе только то, что религии не должно быть, — не только живут, как животные, одной эгоистической, похотливой жизнью, но даже считают такую жизнь (борьба за существование, сверхчеловечество) последним словом человеческой мудрости.

Из этого-то подобия веры одной, большой части, и ни к чему не обязывающего, самодовольного, низменного мировоззрения или, скорее, отсутствия всякого мировоззрения малой части и из полной нравственной распушенности самой большой части слагается жизнь нашего мира. А так как ни в подобии веры, ни в отрицании ее и замене ее случайным собранием сведений о разных предметах, называемых наукой, ни в нравственной распушенности нет и не может быть ни движущей, ни сдерживающей силы, дающей направление деятельности людей нашего времени и общества, то и идет жизнь без какого бы то ни было руководящего начала, только по инерции прошедшего, всё больше и больше расходясь с смутно сознаваемым, свойственным нашему времени, возрасту общества религиозным сознанием, и потому становится всё более и более бессмысленной и

мучительной.

VIII

Положение нашего христианского мира теперь таково: одна, малая часть людей, владеет большей частью земли и огромными богатствами, которые всё больше и больше сосредоточиваются в одних руках и употребляются на устройство роскошной, изнеженной, неестественной жизни небольшого числа семей. Другая, большая часть людей, лишенная права и потому возможности свободно пользоваться землей, обремененная податями, наложенными на все необходимые предметы, задавленная вследствие этого неестественной, нездоровой работой на принадлежащих богачам фабриках, часто не имея ни удобных жилищ, ни одежд, ни здоровой пищи, ни необходимого для умственной, духовной жизни досуга, живет и умирает в зависимости и ненависти к тем, которые, пользуясь их трудом, принуждают их жить так.

И те и другие боятся друг друга и, когда могут, насилуют, обманывают, грабят и убивают друг друга. Главная доля деятельности и тех и других тратится не на производительный труд, а на борьбу. Борются капиталисты с капиталистами, рабочие с рабочими и капиталисты с рабочими. Так что, несмотря на доведенное до большого совершенства машинное производство, невознаградимо растрачиваются богатства земли и на поверхности и внутри ее; главное, непроизводительно, мучительно, бесполезно тратятся людские жизни. Самое мучительное в этом состоянии то, что как богатые, так и бедные, знают, что такая жизнь безумна, что гораздо выгоднее было бы и для богатых и для бедных, соединив свои силы, делить труд и произведение труда, но ни те ни другие не видят никакой возможности изменить существующее положение и продолжают жить, ненавидя друг друга и вредя друг другу, сознавая при этом всё большее и большее ухудшение своего положения.

Кроме всех этих бедствий, происходит еще напряженная, непрерывающаяся борьба народов с народами, государств с государствами, выражающаяся тратами большей части трудов людских на приготовление к войнам, и почти не переставая происходят и самые войны, в которых погибают сотни тысяч людей в самую цветущую пору их жизни и развращаются миллионы людей. И точно так же как во всех испытываемых бедствиях, люди знают, что всего этого не должно быть и что эти вооружения и войны бессмысленны, губительны, ничем иным не могут кончиться, как разорением и озверением всех, но, несмотря на это, всё больше отдают свои труды и жизни на приготовление к войнам и на самые войны. Все знают, что всего этого не должно быть и может не быть, и все всё-таки делают всё то, что поддерживает и усиливает бедственность такого положения. И это сознание жизни, ведомой против своей выгоды, разума, желания, до такой степени мучительно, что, не видя выхода из этого противоречия, самые чуткие и горячие из людей разрешают его самоубийством (и таких становится всё больше и больше), другие, точно так же страдая от сознания противоречия своей разумной природы с жизнью, предаются неполному самоубийству — заглушению разума посредством одурения себя табаком, вином, водкой, опиумом, морфином. Третьи, кроме одурения себя разными наркотиками, стараются еще забыться, предаваясь всякого рода возбуждающим и отуманивающим забавам, зрелищам, чтением, различного рода умствованиям о совершенно бесполезных предметах, которые они

называют наукой и искусством. Огромное же большинство, задавленное работой, тоже, не переставая одуряя себя наркотиками, которые предлагают ему его эксплуататоры, не имея времени подумать о своем положении, хотя и чувствуя, что то, что совершается, не то, что должно быть, живет одними животными потребностями.

И как богатые, так и бедные, поколения за поколениями живут и умирают без мысли о том, зачем они жили эту бессмысленную, мучительную жизнь, или с смутным сознанием о том, что вся эта жизнь была какая-то ужасная и жестокая ошибка.

IX

Положение это ужасно особенно тем, что, живя такой мучительной жизнью, люди в глубине души сознают возможность совершенно другой жизни, жизни разумной, братской, без безумной роскоши одних и нищеты и невежества других, без казней, разврата, без насилия, без вооружений, без войн.

А между тем устройство жизни, основанное на насилии, до такой степени стало привычно людям, что люди не могут себе представить общей жизни без правительственной власти и даже так привыкли к нему, что даже идеалы разумной, свободной, братской жизни стараются осуществить посредством правительственной власти, то есть насилия.

Заблуждение это стоит в основе всей неурядицы, как прошедшей, так и современной и даже будущей жизни христианских народов. Поразительный пример этого заблуждения представляет большая французская революция.

Деятели революции ясно выставили те идеалы равенства, свободы, братства, во имя которых они намеревались перестроить общество. Из принципов этих вытекали практические меры: уничтожение сословий, уравнивание имуществ, упразднение чинов, титулов, уничтожение земельной собственности, распускание постоянной армии, подоходный налог, пенсии рабочим, отделение церкви от государства, даже установление общего всем разумного религиозного учения. Все это были разумные и благодетельные меры, вытекавшие из выставленных революцией несомненных, истинных принципов равенства, свободы, братства. Принципы эти, так же как и вытекавшие из них меры, как были, так и остались и останутся истинными и до тех пор будут стоять как идеалы перед человечеством, пока не будут достигнуты. Но достигнуты эти идеалы никогда не могли быть насильем. А между тем люди того времени так привыкли к единственному средству воздействия на людей, принуждению, что не видели того противоречия, которое заключается в мысли осуществления равенства, свободы, братства посредством насилия; не видели того, что равенство по существу своему отрицает власть и подчинение, что свобода несовместима с принуждением, и что не может быть братства между повелевающими и подчиняющимися. От этого все ужасы террора.

В ужасах этих виноваты не принципы, как думают многие (принципы, как были, так и останутся истинными), а способ их осуществления. То противоречие, которое так ярко и грубо выразилось в большой французской революции и вместо блага привело к

величайшему бедствию, таким же осталось и теперь. И теперь это противоречие проникает все современные попытки улучшения общественного строя. Все общественные улучшения предполагается осуществить посредством правительства, то есть насилия. Мало того, противоречие это проявляется не только в настоящем, оно проявляется даже в представлении самых передовых социалистов, революционеров, анархистов о будущем устройстве жизни.

Люди хотят осуществить идеал разумной, свободной и братской жизни на начале принудительной власти, тогда как принудительная власть, как ни переставляй и ни обставляй ее, есть всегда присвоенное одними людьми право распоряжения другими и, в случае неповиновения, — принуждения посредством крайнего средства — убийства.

Посредством убийства осуществлять идеалы человеческого блага!

Французская большая революция была тем *enfant terrible*, [35] который в своем охватившем весь народ восторге, при сознании великих истин, открытых им, и при инерции насилия, в самой наивной форме выказал всю нелепость того противоречия, в котором билось тогда, бьется и теперь человечество: *liberté, égalité, fraternité, ou la mort*. [36]

X

Причина того странного противоречия, вследствие которого люди пытаются осуществить идеалы равенства, свободы, братства посредством деятельности прямо противоположной этим идеалам и исключаящей возможность их осуществления, та (как и сказано выше), что людям смутно представляется уже свойственное возрасту человечества религиозное сознание, жизнь же продолжает идти в прежних формах, и люди так привыкли к ним, что не могут себе представить жизни вне форм, выросших из отжитого уже религиозного мировоззрения.

Ребенок стал взрослым, а всё еще по старой привычке хочет, чтобы его кормили, одевали, учили.

Формы жизни уже не соответствуют возрасту, но не усвоено еще сознание, соответственное возрасту. От этого то и все попытки улучшения своего положения люди нашего времени направляют на исправление, изменение, улучшение внешних правительственных форм — того, что по существу своему несовместимо с идеалом разумной, свободной и братской жизни и что не только для осуществления этой жизни, но для возможности приближения к ней, всё должно быть уничтожено.

«Только бы правительство действовало правильно или установлено было вместо дурного хорошее, — думает большинство людей нашего времени, — и всё исправится и будет хорошо, люди будут уравнены, будут свободны и будут жить согласно». Одни думают, что для этого нужно только не нарушать спокойное течение жизни существующих правительств, нужно поддерживать без изменений существующий, раз установленный порядок, и правительства сами всё устроят, только бы не мешали им. Это те, которые

называются консерваторами. Другие думают и говорят, что настоящее дурное положение вещей должно и может быть изменено и исправлено введением новых законов и учреждений, обеспечивающих равенство и свободу людей. Это те, которых называют либералами. Третьи полагают, что теперешнее устройство все не годится, должно быть всё разрушено и заменено другим, более усовершенствованным, таким, которое устанавливало бы полное равенство, в особенности экономическое, обеспечивало бы свободу и утверждало бы братство всех людей без различия государств. Это те, которые называются революционерами различных оттенков.

Все эти люди, хотя и не согласны между собою, все согласны в одном главном, что только правительственной, т. е. принудительной властью можно улучшить положение людей.

Так думают и говорят люди достаточные, имеющие время обсуживать общие вопросы. (В последнее время таких людей развелось особенно много. Думаю, что не будет преувеличением сказать, что бдльшая половина времени всех достаточных, досужих людей занята рассуждениями и поучениями друг друга и спорами о том, как наилучшим образом поступать правительству и как следует поступать правительству для бдльшего или меньшего осуществления идеалов равенства, свободы, братства.)

Огромное же большинство бедных рабочих людей, не имеющих досуга для обсуждения общих вопросов и поучения друг друга, в сущности думают и говорят то же, а именно то, что улучшение общественного устройства может быть осуществлено только правительством, и не только не желают уничтожения правительства, но все свои надежды возлагают на улучшенную правительственную, настоящую или будущую власть. И не только думают так и богатые и бедные, но так и поступают.

В Китае, Турции, Абиссинии, России поддерживают старое устройство, не изменяя его, но всё идет хуже и хуже; в Англии, Америке, Франции посредством конституций и парламентов стараются улучшить общественное устройство, но идеалы равенства, свободы, братства так же, как прежде, далеки от осуществления.

Во Франции, Испании, в южно-американских республиках, теперь в России устраивали и устраиваются революции; но удаются или не удаются революции, после революций, как отогнанная волна, возвращается то же положение, иногда даже и хуже прежнего. Оставляют ли люди прежнюю правительственную власть или изменяют ее, стеснение свободы и вражда между людьми остаются те же. Те же казни, тюрьма, изгнания, та же несвобода покупать без податей то, что производится за известной чертой, или пользоваться орудиями труда, такое же, как при Иосифе прекрасном, повсюду лишение права рабочих людей пользоваться землей, на которой они родились; такая же вражда народов с народами; такие же, как и при Чингис-Хане, набеги на беззащитные народы Африки, Азии и друг на друга; те же жестокости; такие же пытки одиночного заключения и дисциплинарных рот, как и при инквизиции; те же постоянные армии и военное рабство; то же неравенство, какое было между фараоном и его рабами и теперь между Рокфеллерами, Ротшильдами и их рабами.

Меняются формы, но сущность отношения людей не изменяется, и потому идеалы равенства, свободы, братства ни на шаг не приближаются к осуществлению. Приближение к осуществлению этих идеалов если и произошло, то не вследствие изменения правительственных форм, а скорее несмотря на задерживающее влияние правительств. Если не так смело теперь грабят в городах, на улицах, то произошло это не от каких-либо новых законов, а от хорошего освещения улиц. Если не так часто умирают люди от голода, то и это происходит не от законов и правительственного устройства, а от путей сообщения. Если перестали сжигать ведьм или употреблять пытку как средство открытия истины или резать носы, языки и уши для осуществления правосудия, то произошло это не от какого-либо нового устройства правительства, а от развития знания и добрых чувств, совершенно независимых от правительственного устройства.

Изменяются внешние формы согласно возрасту человечества, то есть развития умственных сил и власти над природой, но сущность остается та же, в роде как при падении тела оно может изменять свое положение, но линия, по которой будет двигаться центр его тяжести, будет всегда одна и та же.

Бросьте кошку с высоты: она может вертеться или лететь вверх или вниз головой, но центр ее тяжести не выйдет из линии падения. То же и с изменениями внешних форм правительственного насилия.

Казалось, люди, сознавая себя разумными существами, жизнь которых должна быть руководима идеалами разума и добра, должны бы были сделать одно из двух: или отказаться от разумных идеалов, несовместимых с насилием, или отказаться от насилия, перестать учреждать и поддерживать его. Но люди не делают ни того ни другого, а только всячески видоизменяют насилие, как человек, несущий бесполезную тяжесть, то дает ей иную форму или перекладывает ее со спины на плечи, с плеч на бедра и опять на спину, не догадываясь сделать одного нужного — бросить ее.

И что при этом хуже всего, это то, что озабочиваясь изменением правительственных форм насилия, того, что как бы оно ни изменялось, не может улучшить положения, — люди все больше и больше отдаляются от той деятельности, которая одна может улучшить их положение.

XI

Человечество — христианское, может быть даже и всё человечество, стоит теперь на пороге огромного преобразования (в роде того, которое совершается в отдельном человеке, когда он из ребенка переходит в мужа), переворота, совершающегося не веками, но, может быть, тысячелетиями. Переворот этот двоякий: внутренний и внешний. Внутренний состоит в том, что вера, религия, то есть объяснение смысла жизни, во все предшествующие времена (и чем дальше назад, тем больше) представлялась возможной только в форме таинственных, мистических, чудесных откровений и связанных с ними обрядов. Теперь же человечество в своих высших, в особенности христианских представителях, дожило до того, что ему стало не нужно мистическое объяснение смысла жизни посредством чудесных откровений и столь

же излишним совершение предписываемых для угождения Богу обрядов, а стало достаточным и еще более убедительным, чем прежнее мистическое, простое разумное объяснение смысла жизни, из которого вместо прежнего исполнения обрядов с большей обязательностью, чем прежде, вытекает исполнение жизненных, нравственных требований.

Таков внутренний переворот, совершавшийся в продолжение тысячелетий, совершающийся и теперь, но дошедший до такой степени, при которой большинство людей уже способны усвоить себе это новое религиозное понимание. Взрослый человек начинает чувствовать, что он перестает быть ребенком.

Таков внутренний переворот. Внешний же переворот, связанный с внутренним и вытекающий из него, состоит в изменении форм общественной жизни, в изменении того начала, которое связывало прежде и теперь еще связывает людей в общественной жизни: в замене насилия разумным убеждением и согласием. Человечество перепробовало все возможные формы насильственного правления, и везде, от самой усовершенствованной республиканской до самой грубой деспотической, зло насилия остается то же самое и качественно и количественно. Нет произвола главы деспотического правительства, есть линчевание и самоуправство республиканской толпы; нет рабства личного, есть рабство денежное; нет прямых поборов и даней, есть косвенные налоги; нет самовластных падишахов, есть самовластные короли, императоры, миллиардеры, министры, партии. Несостоятельность насилия как средства общения людей, несоответствие его с требованиями современной совести слишком очевидно, чтобы существующий порядок мог продолжаться. Но внешние условия не могут измениться без изменения внутреннего, духовного состояния людей.

И потому все усилия людей должны быть направлены на совершение этого внутреннего изменения.

Что же нужно для этого? Одно и прежде всего: устранение тех препятствий, которые мешают людям понять свое положение и усвоить те религиозные начала, которые уже смутно живут в их сознании. Препятствия эти в наше время двоякие; обман церковный и обман научный.

Первый — в том, что людей уверяют те, которым это выгодно; что религия, для того чтобы служить ответом на главные жизненные вопросы людей и руководством жизни, для того чтобы быть религией, должна быть соединена с мистицизмом, с жречеством, чудесами, обрядами, богослужениями.

Второй, научный обман — в том, что тоже люди, которым это выгодно, внушают большинству, что религия вообще есть пережиток древнего периода жизни и что в наше время она может быть вполне заменена изучением законов жизни и общими выведенными и из рассуждения и из опыта правилами поведения.

Обман церковных людей тот, что вместо объяснения смысла жизни они выставляют учение откровения, несогласное с современными знаниями, и вместо руководства поведения дают ряд правил и обрядов, независимых от жизни. Обман людей науки состоит в том, что они

считают совершенно излишним метафизику религии, то есть объяснение смысла жизни, воображая, что возможно руководство поведения без религиозной метафизической основы.

Церковные люди думают и утверждают, что религия, в которую они уже сами не могут верить, может быть полезна для народа. Люди же науки думают и утверждают, что религия, то, чем жило, живет и может двигаться вперед человечество, — есть остаток суеверия, которое должно быть оставлено, и что люди могут быть руководимы мнимыми законами, выводимыми из мнимой науки социологии.

Вот эти-то, особенно последние люди, называющие себя людьми науки, и составляют в наше переходное время главное препятствие к вступлению человечества на ту степень и внутреннего сознания и внешнего устройства, которая свойственна его возрасту.

Особенно вредны так называемые люди науки, потому что обман церковных жрецов успел уже так ярко и безобразно проявиться, что большинство людей не верит в него и если держится церковного учения, то только как предания, обычая, приличия, и всё больше и больше освобождается от него.

Суеверие же научное находится теперь в самой силе, и люди, освободившиеся от лжи церкви и считающие себя свободными, сами того не замечая, находятся в полной власти этой новой, научной церкви. Проповедники этого учения усиленно стараются, с одной стороны, отвлекать людей от самых существенных, религиозных вопросов, направляя их внимание на разные пустяки, как происхождение видов, исследование состава звезд, свойств радия, теории чисел, допотопных животных и тому подобных ненужных глупостей, приписывая им такую же важность, какую прежние жрецы приписывали бессеменному зачатию, двум естествам и т. п. С другой стороны, стараются внушить людям, что религия, то есть установление отношения человека к миру и началу его, — совсем не нужна, что напыщенный набор слов о праве, нравственности, выдуманной, не могущей существовать науке социологии может вполне заменить религию. Люди эти, так же как церковники, уверяют себя и других, что они спасают человечество, и так же верят в свою непогрешимость, так же никогда не согласны между собою и распадаются на бесчисленные толки, и, так же как церкви в свое время, составляют в наше время главную причину невежества, грубости, развращения человечества и потому замедления освобождения человечества от того зла, от которого оно страдает, и того заколдованного круга, в котором вертится. Люди эти сделали то, что сделали строители, о которых говорится в писании: «они отвергли тот камень, который всегда был и будет главою угла, замком свода»; они отвергли то, что одно соединяло и может соединить воедино человечество: его религиозное сознание.

И от этого-то и происходит тот заколдованный круг — замена одного зла другим, в котором бесцельно кружится христианское человечество нашего времени. Люди, лишенные высшего человеческого свойства, религиозного сознания, признают ли они состоящее из суеверий церковное учение или неясные, многосложные и ненужные научные рассуждения, дающие еще менее, чем церковные суеверия, силой, независимой от людских велений деятельности, — не могут не только разрушить существующий строй, но не могут, как бы они ни хотели этого, хоть на сколько-нибудь улучшить положение людей, приблизиться к идеалам

равенства, свободы, братства, которые они желали бы осуществить.

У них нет сил для этого.

Осуществить идеалы вечные могут только люди, живущие не одной этой, а вечной жизнью. Только для таких людей возможно то, что для людей, живущих одной этой жизнью, представляется жертвой. Только жертвой благами этой жизни движется вперед человечество.

Жертва же возможна только для человека религиозного, то есть для такого, который считает свою жизнь в мире только частью, проявлением в общей жизни мира, и потому долженствующей подчиняться требованиям, законам этой всеобщей жизни. Для человека же, считающего эту жизнь всей его жизнью, такая жертва не имеет смысла, а не будучи в силах жертвовать, он не может уничтожить, уменьшить зло жизни. Он вечно будет передвигать зло с одного места на другое, но никогда не будет в силах уничтожить его.

И потому избавление людей от того зла, которое они терпят, есть только одно: распространение среди народов того одного истинного, высшего для нашего времени религиозного учения, смутное сознание которого уже живет в людях.

XII

До тех пор, пока не будет усвоено человечеством (как всегда усваиваются людьми религиозные учения, одними — меньшинством — сознательно, свободно, другими же — большинством — верою, доверием, внушением) общего всем, разумного, соответствующего возрасту человечества вероучения, до тех пор будут изменяться формы жизни, зло же жизни будет не только оставаться то же, но будет всё увеличиваться и увеличиваться.

И такое вероучение давно существует и уже смутно сознается большинством людей нашего общества. Учение это-то есть всем известное, всеми признаваемое христианское учение в его истинном, освобожденном от извращений и лжетолкований значении. Учение это в своих главных, как метафизических, так и этических основах, признается всеми, не только христианами, но и людьми других вер, так как вполне совпадает со всеми великими религиозными учениями мира в их неизвращенном состоянии, — с браминизмом, конфуцианством, таосизмом, еврейством, магометанством, сведенборгианизмом, спиритуализмом, теософией, даже позитивизмом Конта.

Сущность этого учения в том, что человек есть духовное существо, подобное своему началу — Богу; что назначение человека — исполнение воли этого начала — Бога; что воля Бога в благе людей; что благо людей достигается любовью; любовь же проявляется в делании другим того, что хочешь чтобы тебе делали. В этом всё учение.

Учение это не есть мистическое откровение о сверхъестественных проявлениях божества и его догматах и постановлениях, как утверждают христианские церкви, и не есть также только нравственное учение о согласной, выгодной для всех и разумной общественной

жизни, как понимают христианство нерелигиозные люди науки. Учение это есть разумное объяснение смысла человеческой жизни, такое, при котором руководство поведения не предписывается извне, как правило, а само собою вытекает из того смысла, который человек приписывает своей жизни. Учение это, хотя и не признает ничего сверхъестественного, как его перетолковывают в церкви, не есть однако и рассудочное руководство в общественной жизни, как думают нерелигиозные люди науки.

Учение это есть религия, т. е. установление отношения человека к миру и началу его. Учение это дает ответы на вопросы: что такое человек по отношению к бесконечности в пространстве и времени, среди которых он появляется, и в чем назначение его жизни, и потому дает людям, признающим это учение, не ряд правил и заповедей, подтверждаемый сверхъестественными чудесами, как это делает церковь, и не сомнительные и желательные, условные и выгодные в данную минуту для общественной жизни правила поведения, выводимые из опыта и рассуждения, как это делает наука, а дает разумное объяснение смысла жизни каждого человека, из которого сами собою вытекают вечные и во всех условиях одни и те же правила поведения.

Этим отличается истинное христианское учение от церковного христианства с его мистицизмом, чудесами и от того утилитарного, ни на чем не основанного нравственного учения нерелигиозных людей, сами того не замечая берущих из христианского учения, которого они не признают, одни выводы, а не самую сущность.

До тех пор, пока это учение не в извращенном (церковном) виде и не лишенное главной его основы — метафизического начала: отношение человека к Богу, — пока это учение не будет признано в его истинном значении людьми христианского мира и не будет распространено между всеми так же, как теперь распространена церковная вера, до тех пор не изменятся и те формы всякого рода, в особенности правительственного насилия, от которого теперь больше всего страдают люди.

Какие же для этого должны быть приняты меры?

Мы так привыкли к ложной мысли, что улучшение в жизни людей может быть произведено внешними (и большей частью насильственными) средствами, что и изменение внутреннего состояния людей нам кажется, что может быть достигнуто только внешними мерами, воздействующими на других. Но это не так.

И в том великое счастье людей, что это не так. Если бы это было так, и люди могли бы внешними средствами изменять друг друга, то, во-первых, неразумные, легкомысленные люди могли бы, ошибаясь, изменить людей, портя их и лишая их их блага, а, во-вторых, такая деятельность людей для достижения блага жизни внешними средствами могла бы встретить непреодолимые препятствия.

Но это не так: изменение внутреннего, духовного состояния людей всегда находится во власти каждого отдельного человека, и человек, не ошибаясь, всегда знает, в чем истинное благо его самого и всех людей, и ничто не может остановить или задержать его деятельности для достижения этой цели. Достигает же человек этой цели — блага своего и

других людей — только внутренним изменением самого себя, уяснением и утверждением в себе разумного, религиозного сознания и своей соответственной этому сознанию жизнью. Как только горящее вещество зажигает другие, так только истинная вера и жизнь одного человека, сообщаясь другим людям, распространяет и утверждает религиозную истину. А только распространение и утверждение религиозной истины улучшает положение людей.

И потому средство избавления от всех тех зол, от которых страдают люди, и в том числе от того ужасного зла, которое совершается правительствами (как все теперешние бедствия в России), как это ни кажется странным, только одно — внутренняя работа каждого человека над самим собою.

«Марфа, Марфа, печешесея о мнозем, единое на потребу».

Комментарий И.Петровицкой

Заглавие статьи отсылает к Евангелию (Лк. X, 41-42). Подзаголовок - «О государственной власти». В статье, написанной весной 1905 г., Толстой объединил два незавершенных наброска: «Камень главы угла» (о религии) и «О государственной власти». В ней мощно заявлены две важнейшие политические и философско-религиозные темы, присущие публицистике Толстого. Несколько раз менялись названия статьи: «Что важнее всего людям», «Одна причина всего», «Свет стал тьмою».

Вновь в статье Толстой доказывает, что «мы так извращены долгим рабством, что не можем представить управление без насилия». Он дает жесткие, резкие оценки правителей (позже, по совету В. Г. Черткова, несколько смягчив их): «Это та самая машина, посредством которой в России властвовали, избивая и мучая людей, то душевнобольной Иоанн IV, то зверски жестокий, пьяный Петр, ругающийся с своей пьяной компанией над всем, что свято людям, то ходившая по рукам безграмотная, распутная солдатка Екатерина Первая, то немец Бирон, только потому, что он был любовник Анны Иоанновны, племянницы Петра, совершенно чуждой России и ничтожной женщины». И с горечью заключает, что «нравственный, добродетельный государственный человек есть такое же внутреннее противоречие, как нравственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткий разбойник». Здесь явно звучит столь ценная Толстым герценовская характеристика государства. Художник и публицист дает образное сравнение, уподобляя подчиняющихся государственной власти людей таким, которые «старательно свяжут себя так, чтобы один человек мог со всеми ими делать все, что захочет; потом конец веревки, связывающей их, бросят болтаться, предоставляя первому негодяю или дураку захватить ее и делать с ними все, что им нужно». Статья предназначалась для публикации в Англии (письмо о власти) и в России в «Посреднике». В июле 1905 г. напечатана в изд. «Свободного слова» (№ 99). Также ее напечатала «Times»; одновременно она появилась в разных странах 29 и 31 августа 1905 г.; позже - в изд. «Обновление».

ПСС, т. 36.

Версия #2

Зверобой создал 29 марта 2025 09:58:08

Зверобой обновил 29 марта 2025 10:50:50